

В. С. Лазарев

*Научная библиотека Белорусского национального технического
университета, Минск, Беларусь*

ИЗ ИСТОРИИ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ ЦИТИРОВАНИЙ. 2. РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Аннотация. В контексте необходимости правильного понимания отражения свойств научных документов их цитируемостью рассмотрены русскоязычные работы по наукометрическим классификациям цитирований, первая из которых появилась на заре такого рода исследований. Русскоязычные работы обладают выраженными особенностями и заслуживают отдельного внимания.

Ключевые слова: наукометрические классификации цитирований, мотивация цитирования, функции цитирования, причина цитирования, использование научного документа, ценность научного документа.

Для цитирования. Лазарев, В. С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. 2. Русскоязычные публикации / В. С. Лазарев // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема 2024 года – «Библиотечно-информационная деятельность в среде меняющихся социальных условий и технологических инноваций»: докл. VI Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2024 г. / Белорус. с.-х. б-ка им. И. С. Лупиновича Нац. акад. наук Беларуси ; редкол.: Ю. О. Каракулько (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2024. – С. 242–268.

V. S. Lazarev

Scientific Library of the Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

FROM THE HISTORY OF SCIENTOMETRIC CLASSIFICATIONS OF CITATIONS. 2. RUSSIAN-LANGUAGE PUBLICATIONS

Abstract. In the context of the need for correct understanding of the possibilities of representing properties of scientific documents by their citations, Russian-language works on scientometric classifications of citations, the first of which appeared at the dawn of this kind of research, were considered. Russian-language works have pronounced peculiarities and deserve special attention.

Keywords: scientometric citing classifications, citation motivation, citation functions, cause for citation, scientific document use, scientific document value.

For citation. Lazarev V. S. From the history of scientometric classifications of citations. 2. Russian-language publications. Libraries in the information society: preserving traditions and developing new technologies. The theme for 2024 – «Library and information activities in the environment of changing social conditions and technological innovations»: proceedings of the VI International scientific

conference, Minsk, December 5–6, 2024. Minsk, 2024, pp. 242–268 (in Russian).

Попытки наукометрических классификаций цитирования, довольно рано проявили себя и в русскоязычной научной литературе. Так, уже в 1968 году была опубликована работа А.И. Умова [1], который, по-видимому, первым среди русскоязычных авторов озаботился вопросом о смысловой неоднородности ссылок и выразил мнение о желательности их дифференцированного учета. Понимая, что с помощью метода «цитат-анализ» «можно решать как проблему *ценности* научных работ, так и многие вопросы, связанные с определением структуры системы публикаций в той или иной отрасли науки в целом и с определением взаимосвязей между различными научными направлениями» [1, с. 34] (выделено нами – *В.Л.*), автор утверждал, что «эффективность указанного метода резко возрастет, если будет учитываться тип ссылок». То есть из его формулировок фактически вытекает, что дифференцированный учет ссылок призван повысить эффективность оценки *ценности* цитированных документов.

А.И. Умов предложил «следующую классификацию ссылок: нейтрально информационные, критические, творческие» [*Там же*]. Классификация проста и потому ее применение кажется достаточно реалистичным. Определений названным классам не дано, однако, классификация интуитивно понятна на фоне замечания о «нейтрально информационных» ссылках, которые возникают «просто потому, что они <цитируемые работы – *В.Л.*> относятся к теме исследования автора» [*Там же*]. Помимо простоты, отметим остроумный подход к учету ссылок различных классов на одну и ту же работу, при котором при оценке цитированных работ ссылки одного класса «поглощают» ссылки другого: «наличие нейтрально информационной ссылки одновременно с творческой не препятствует признанию того, что в целом работа использована творчески. Наличие нейтральной ссылки также не препятствует критическому характеру работы¹ (второе правило). Наибольшее сомнение может быть связано с третьим правилом. Однако в данном случае одна противоположность преодолевает другую. Наличие критики не ослабевает, а наоборот усиливает творческий характер

¹Вероятно, четче было бы: «критическому отношению к работе» (цитируемого автора).

использования источника². Поэтому разумно принять и третье правило «поглощения» – В.Л.>» [1, с. 36].

Однако, похоже, что у автора [1] было достаточно противоречивое отношение к «критическим» ссылкам. С одной стороны, он признает, что «[н]аличие критики не ослабевает, а наоборот усиливает творческий характер использования источника» [1, с. 36]³, и это можно понять как признание способности авторов использовать выполняемые критические разборы чужих работ для лучшей аргументации собственных идей, оттачивания аргументирующих формулировок [3, с. 12]. Но тогда получается, что «критическая» ссылка – просто разновидность ссылки «творческой», а из [1] это не следует. По-видимому, в принципе, возможны и другие догадки об отношении А.И. Умова к «критическим» ссылкам: его формулировки попросту недоработаны. Возможно, что речь у него идет и о «чистой» критике, «критике ради критики» (явление достаточно редкое [4, р. 361], хотя в обзорных текстах и встречающееся), и о той критике, которая стимулирует собственное научное творчество...

Восприятие работы [1] – чисто умозрительное: примеров исследований с ее использованием автор не приводит. Не известны и его дальнейшие работы, которые развивали бы цитируемую. При сравнительной простоте классификации все же не уйти и от проблемы кропотливости необходимых работ, высоких квалификационных к ним требований – пусть речь и идет лишь о трех классах без погружения в чрезмерную детализацию. Но, как пишет и сам автор, если «[д]ля установления факта наличия ссылки не требуется никакой квалификации», то «классифицировать ссылку труднее» [1, с. 34].

В сравнении с последующими работами, как это будет видно из дальнейшего, – эта работа выглядит весьма здравомысленной и, вероятно, перспективной. Автор [1] по

²На коротком отрезке автор дважды признает, что цитируемость отображает использование.

³Это было понятно в 1968 году; сейчас же можно услышать инквизиторские предложения о закрытии допуска – в целях борьбы за «компетентность» и «корректность» науки – к публикациям, получившим негативные ссылки. См. об этом в [2].

существо **уточнял** характер использования, отражаемого цитируемостью, а **не подменял** его ворохом частных причин цитирования или поводов к нему; предложил максимально простую классификацию, что давало надежду на ее практическое применение; а также предложил (пусть описав его недостаточно четко, «неразборчиво») остроумное «правило поглощения», в котором, как представляется, отображается верное понимание сущности цитирования.

Внешне похожая классификация появится через 5 лет за подписью И.П. Сулова и Е.Д. Гражданникова в книге «Основы социальной статистики (курс лекций для студентов НГУ)» [5, с. 279–280]. Количество классов в ней возросло до пяти: «критическое» цитирование сохранено, но появился и отдельный новый класс – «негативное цитирование», а «нейтрально информационные ссылки» А.И. Умова названы здесь «информирующим цитированием». Вместо «творческих ссылок» [1, с. 34] здесь два класса: «авторитетное» и «конструктивное» цитирование [5, с. 279]. Ссылок на публикацию А.И. Умова нет. При этом «[п]од авторитетным цитированием понимаются такие цитирования, когда сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и *используются* в качестве основополагающих положений», а «[п]ри конструктивном цитировании цитируемая публикация служит источником таких сведений, которые *используются* в своей работе авторами цитирующего документа»⁴ [Там же] (выделено нами – В.Л.). Что до «критического цитирования», то в данной работе оно не является синонимом «негативного»: «[п]ри критическом цитировании проводится анализ содержания цитируемой публикации и указываются ее слабые стороны, но в целом исходные положения и выводы не отбрасываются, и не считаются ошибочными. Такую критику считают конструктивной» [5, с. 280]. «Критическое цитирование» относится к четырем типам цитирования, которые «свидетельствуют о положительном отношении авторов цитирующего документа к цитированной публикации» [Там

⁴«Использование цитируемых сведений» имеет место в обоих случаях, но в первом случае его характер уточнен, а во втором – уточнение отсутствует (как бы в нем нет и нужды). Но тогда «авторитетное цитирование» оказывается разновидностью «конструктивного цитирования», т.е. часть рассматривается как самостоятельное целое.

же]. Мягко говоря, не ясно, как практически вычленишь именно такие ссылки из работы, не будучи ее автором, а являясь информационным посредником: они могут смешиваться как с «конструктивными», так и с «негативными» цитированиями. Да и с «информирующими», которые, по мысли авторов «лишь указывают на связь цитируемой публикации с данным научным направлением» [5, с. 280]. Нам мыслится, что «критическая» разновидность именно может относиться как к «конструктивным ссылкам» (напомним слова авторов: «Такую критику считают конструктивной» [*Там же*]), так и к «информирующим»: последние «лишь указывают на связь», а «критические» – содержат указание на «содержание цитируемой публикации» и, указывая на ее слабые стороны, ее основные «положения и выводы» не отрицают; и это не «информирование»?!. Получается, что грани между классами (у авторов: «типами» [5, с. 279]) цитирования размыты, а часть воспринимается автором как целое. Так создана ли эта классификация по единому основанию? Поскольку ее назначение – чисто прикладное, для оценки «научного уровня» цитируемых работ [*Там же*], то возможно, что методологические изъяны ее построения и не были бы помехой при выполнении чисто прикладной оценки⁵. Но это в теории. А как на практике выделять классы для тех цитирований, которые, как видим, могут относиться к нескольким классам одновременно?! С повышением сложности классификации понизилась ее способность к использованию. Далее, использование связано в данной работе ее авторами лишь с двумя из пяти выделенных классов; что же до «информирующего цитирования», то о нем сказано, что «сведения из цитируемой публикации не используются непосредственно в данной публикации, а лишь указывается на связь цитируемой публикации с данным научным направлением» [5, с. 279–280]. Но здесь вольно или невольно осуществлена подмена понятий: ведь цитированию подвергается *документ*, а не

⁵Напр., «информирующее и критическое цитирование» «позволяет относить оцениваемую публикацию к работам высокого уровня», а «[е]сли <...> имеет место авторитетное или конструктивное цитирование, или 3-5 информирующих цитирований, то оцениваемую публикацию можно относить к работам очень высокого уровня» [5, с. 280]. Заметим, однако, что из приведенной формулировки совершенно не ясно, для чего было разделять «авторитетные» и «конструктивные» ссылки. (А ведь это – отнюдь не простая задача для выполнения.)

содержащиеся в нем сведения. А если документ был «употреблен для какого-либо дела», если ему было «найдено применение», то это, согласно словарному определению [6, т. 1], – использование. Что и имеет место. Но речь у авторов идет не о «документе» и даже не об «информации», единство которой с носителем и представляет собой документ [7, с. 122; 8], а именно о «сведениях» – то есть в [5, с. 280] употреблено слово, значение которого неоднозначно [9; 6, т. 4], слово, отсутствующее в качестве термина в «Терминологическом словаре по информатике» [7]. Соображения формальной корректности побуждают автора этих строк разобрать данный тезис И.П. Сулова и Е.Д. Гражданникова [5] более подробно. Разброс значений слова «сведения»: от «факты, данные» [9; 6, т. 4] до «знания» [6, т. 4; 10]. При этом многозначность термина «знания» отнюдь не упрощает понимания⁶. Но возьмем – исходя из определения знания как наличие совокупности информации у человека [10] – в качестве значения слова «знания» его употребление в качестве синонима термина «информация». Тогда, как бы ни трактовать этот последний термин⁷, информация по классическому определению в любом случае является неотъемлемой составляющей документа [7, с. 122; 8]. Он, документ, был «информирующе» процитирован (что, в понимании авторов [5] лишь указывало на его связь с обсуждаемой проблематикой), то есть был выбран в качестве некоего примера, а значит, – «употреблен для какого-либо дела», ему было «найдено применение», и это, согласно словарному определению [6, т. 1] есть использование. Но тогда была использована и неотделимая от документа информация (к

⁶Напр., «[з]нание есть целостная упорядоченная совокупность смысловых квантов, распределенных по ячейкам памяти, плюс набор правил оперирования (извлечения и соединения) этими квантами. Хранилище знания есть память» [11, с. 57]. Ясно, что сведения, содержащиеся в публикации, такому знанию не тождественны.

⁷Разнообразные трактовки см. в [11]. При этом хотя верной трактовкой термина «информация» было бы «семантическое преобразование отражения реальности субъектом», реально существующей «лишь в сознании субъекта» [11, с. 54], традиция требует употребления его в общем значении системы «сигналов, которые субъект способен воспринять и осмыслить» [11, с. 58]. В общем виде документ суть любой материальный объект, позволяющий получить от него требуемую информацию [12, с. 76]. Иначе: он есть единство сигналов с их материальным носителем («документ представляет собой <...> содержащуюся на материальной основе <...> выраженную в знаковой форме <...> информацию» [13, с. 76]).

которой можно свести значение слово «сведения»⁸; итак, акцентирование использования/неиспользования на «сведениях» в таком значении ситуацию не изменяет. Если же «сведениями» считать «знания», но применять к термину «знания» определение ISO [15, 3.1.17], согласно которому «знания» суть «сохраненная, обработанная и истолкованная информация», то, даже в случае ее «неиспользования» при цитировании, цитирование могло быть вызвано использованием не самого «знания» (согласно данному определению), а намеков, выражений сомнений и прочих не истолкованных четко высказываний, которые могут быть отличным стимулом для развития научной мысли.

Если же рассматривать «сведения» как «факты, данные» [9], несостоятельность идеи о неиспользовании документа при «информирующем цитировании» становится еще более явной: ведь помимо фактов и данных, документ содержит идеи, гипотезы, подсказки, намеки. Чрезвычайно плодотворно можно использовать статью из-за одной формулировки, которой ее автор, быть может, не придавал никакого значения...

Столь подробно одна-единственная формулировка была рассмотрена не только и не столько из педантизма: ведь ее авторы [5] в своей работе пытались уйти от признания того, что фактически признал их предшественник А.И. Уемов: что использование в цитируемости отражается *всегда*. Но, проводя такую позицию, они ушли от терминологической четкости, подменив понятие документа понятием «сведений», обратившись к слову, имеющему «смазанное» значение. При этом заметим, что определений слова «сведения» в соответствующих терминологических стандартах – русскоязычном стандарте терминов и определений в области «информационно-библиотечной деятельности и библиографии» [16] и в англоязычном стандарте-словаря по «информации и документации» Международной организации по стандартизации [15] – нет. (Что касается английского языка, то

⁸ К тому, что «сведения», это – «информация» можно было бы прийти и минуя термин «знания»: в «Терминологическом словаре...» [7, с. 168] «информация» трактуется, в частности, как «сведения». Однако, пользоваться такой аргументацией вряд ли корректно: ведь определения термина «сведения» в данном словаре вообще нет, и это не «сведения» определены как «информация», а «информация» – как «сведения». В следующей публикации с участием Е.Д. Гражданникова речь пойдет не о «сведениях», но о «данных» [14, с. 15].

в нем вообще нет и сколь-либо полного эквивалента слову «сведения» с подходящим значением.) Между тем, если по-прежнему считать «сведения» «данными и фактами» либо «знаниями», то можно заметить, что согласно стандарту ISO [15, 3.1.16], «информация относится к фактам, понятиям, объектам, событиям, идеям, процессам и т.д.», т.е. предполагаемое в [5] «неиспользование сведений» оставит, как минимум, вероятную возможность *использования* цитирующим автором идей и понятий. То есть, рассматривая ситуацию с таких позиций, приходим к тому, что авторы [5] фактически не заявили о *полном* «неиспользовании» информации, содержащейся в цитируемом документе при его «информирующем цитировании». Если же «сведениями» считать «знание», то, коль скоро, согласно определению ISO [15, 3.1.17], «знание» суть «сохраненная, обработанная и истолкованная информация», то, в случае ее «неиспользования» при цитировании, могли быть использованы не «знания», а намеки, выражения сомнений и прочие высказываний, которые могут быть отличным стимулом для развития научной мысли.

Применительно к «критическому» и «негативному» цитированиям вопрос об использовании цитированных документов в [5] не поднимается, но если «[п]ри критическом цитировании *проводится анализ содержания цитируемой публикации и указываются ее слабые стороны*, но в целом исходные положения и выводы не отбрасываются, и не считаются ошибочными» [5, с. 280], то имеющее место использование несомненно. Как, работа получила переосмысление, новая интерпретация которого предложена читателю... и это не использование?! Цитируемая публикация была приложена для достижения определенной цели [17]; ей было найдено применение [6, т. 1] – смысл работы с публикацией словарным статьям соответствовал. Конечно, можно по-разному понимать значения слов, но тогда и перекованный металл в пору будет не считать использованным. Что до негативного цитирования («когда в цитируемой публикации обнаруживают серьезные ошибки, и она в целом признается ошибочной» [5, с. 280], о котором авторы [5] также не сообщают, имеется ли в этом случае, по их мнению, здесь использование, то при опровержении идеи оно однозначно имеет место: ведь если разбор какой-то работы помогает

находить новые аргументы для своей точки зрения, новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему, то эта работа служит стимулятором для совершенствования работы цитирующей [3, с. 12]. При этом она подвергается самому пристальному анализу, из нее извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых цитирующим автором аргументов.

Можно сказать, что работа [5] представляет более громоздкую, более трудную в применении и внутренне несколько противоречивую классификацию. Содержание ее классов раскрыто подробнее, нежели в работе предшественника [1], однако, с позиций сегодняшних подходов к терминологии нельзя назвать их описания достаточно строгими. Классификация предлагается для практической оценки «научного уровня» документов, однако выделенные в работе «авторитетные» и «конструктивные» ссылки дают оцениваемым документам одинаковую оценку (сноска 5). Применительно к «типам цитирования» авторы применяют формулировку «можно выделить» [5, с. 279], но выделить *можно* то, что понравится, а какие классы выделить *необходимо*? Вероятно, можно говорить и об искусственной, неоправданной усложненности классификации.

Считаем путаным отношение авторов к признанию того, что цитируемость отображает использование: согласие на этот счет имеется у них применительно лишь к двум из пяти выделенных ими классов, в то время как трактовка цитирований прочих классов как не отражающих использование цитированных документов представляется неубедительной. Правда, обращаясь к определениям терминов, мы пользуемся *сегодняшней* терминологией, не имея информации о том, какими значениями терминов пользовались авторы [5]. Но в отсутствии ссылок на терминологию и заключается еще одна слабость данной работы, и позиция [5] была бы более убедительной, если бы они привели и принятое ими определение «использования документов», и определения других терминов.

В 1975 году появляется статья Э. К.-Ф. Ваттер, в которой была применена рассмотренная выше классификация [18, с. 20]. Ссылки в трех небольших информационных массивах были распределены в соответствии с данной классификацией;

при этом оказалось, что «в журнальных статьях по информатике <...> доля ссылок конструктивного характера меньше 10%», в то время как в монографиях «их доля весьма значительна – 40–70 %» [18, с. 20]. «Пока из этого мы не можем сделать никаких содержательных выводов», – сообщает автор. Вот, похоже, и вся история применения данной классификации.

Э. К.-Ф. Ваттер [18, с. 20] отождествляет «информирующее цитирование» (по [5]) со ссылками на обзорные работы, долю которых в своем исследовании выделяет Ю.А. Махотенко [19, с. 90], а «авторитетное цитирование» по [5] – со «ссылками методического характера» по Ю.А. Махотенко [19, с. 89–90]. Хотя работа Ю.А. Махотенко опубликована им в 1972 году, она упомянута лишь сейчас, во-первых, потому, что если между работой А.И. Умова [1] и работой И.П. Сулова и Е.Д. Гражданникова [5] имеет место очевидная преемственность – равно как и между работой И.П. Сулова и Е.Д. Гражданникова [5] и Э. К.-Ф. Ваттер [18, с. 20], то о преемственности между работами А.И. Умова [1] и Ю.А. Махотенко [19] речь не идет. Хотя Э. К.-Ф. Ваттер [18, с. 20] и проводит аналогии между классами ссылок, использованных Ю.А. Махотенко [19, с. 89–90] и И.П. Суловым – Е.Д. Гражданниковым [5], которые пытались развить классификацию А.И. Умова [1], т.н. «смысловые рубрики» Ю.А. Махотенко можно считать классификацией лишь отчасти. Так, «обзорные работы», рассматриваемые Ю.А. Махотенко [19, с. 90] в качестве «смысловой рубрики», это, согласно используемой им лексике, – не мотивация или функция их использования (как «информирующее цитирование»), а *вид публикации*. Ю.А. Махотенко [19, с. 90] и сам пишет не столько об их «информирующем цитировании», сколько о публикации обзоров, привлекая которых удобно «писать введение»! Хромают и терминология, и смысл: ведь для «написания введения», для «информирующего цитирования» (а разве оно только во введении возможно?) привлекаются не только обзоры. «Ссылки методического характера» (как называет их Э. К.-Ф. Ваттер [18, с. 20] проводя между нами и «авторитетным цитированием» знак равенства) названы на самом деле в публикации Ю.А. Махотенко «*работами* методического характера» [19, с. 89–90] (выделено нами – *В.Л.*), ссылки на которые, по его словам, «содержат установочные

методические указания и в основном встречаются в описании экспериментальной части НИР» [19, с. 89]. Но на такие работы могут приходиться, к примеру, и «информирующие ссылки», и ссылки «критические», а описания полезных методик и методических подходов могут содержаться и в не специально методических работах. Еще более странной «смысловой рубрикой» являются у Ю.А. Махотенко «предшествующие работы» [19, с. 90]: ведь кроме редчайших ссылок на собственные работы, находящиеся «в печати», *все* цитируемые работы являются предшествующими. Определение таких работ слабо и невнятно: «Цитирование этих документов вызывается необходимостью подвести теоретический “фундамент” под научные основы проводимых НИОКР» [19, с. 90]. Это – аналог «конструктивного» цитирования [5, с. 279]? Или все же – «авторитетного» [Там же], т.е. того, которое предполагает, что «сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и используются в качестве основополагающих положений» [Там же] и с которым Э. К.-Ф. Ваттер [18, с. 20] уравнивает вовсе не «предшествующие работы» по Ю.А. Махотенко [19, с. 90], но почему-то «ссылки методического характера» [18, с. 20], а точнее – «работы методического характера» [19, с. 89–90]? Наконец, Ю.А. Махотенко выделяет т.н. «сопоставительные работы», «[н]еобходимость цитирования» которых «вызвана стремлением авторов НИОКР показать превосходство своих достижений» [19, с. 90]. Это не очень понятно, но дальше – больше: «[м]ногие из работ, отнесенных к рубрике “предшествующих”, могли быть представлены и как сопоставительные, поскольку, описывая чьи-то предшествующие достижения, авторы отчета, естественно, сопоставляют (и противопоставляют) их своим собственным» [19, с. 90]. То есть автор признает сам, как непросто распределять материал по классификационным рубрикам; при этом остается неясным, как он сам управлялся с собственной «классификацией». А ведь при этом в его статье содержится еще одно признание: распределить ссылки «по четырем рубриками <...> было непросто, так как часто необходимо было обратиться к тексту цитируемого документа, который не всегда был рукой» [19, с. 90]. Непростая работа, а оправдывает ли себя ее выполнение?

И еще: разве легче без многократного прочтения цитирующего текста понять мотивацию цитирующего автора?! Ведь они так часто не понимают этого и сами [20, p. 615].

Итак, публикация Э. К.-Ф. Ваттер [18] не вносит никакого нового вклада в развитие соответствующих классификаций и, будучи опытом практического применения классификации И.П. Сулова и Е.Д. Гражданникова [5], не приводит ее автора ни к каким новым содержательным выводам; что же до Ю.А. Махотенко [19], то он предлагает классификацию (?) весьма слабую и признает трудности в классифицировании цитирований по предложенной им схеме [19, с. 89].

Следующий материал по проблематике классификации ссылок с соавторством Е.Д. Гражданникова – это препринт Е.Д. Гражданникова и Т.В. Сорокиной [14]. На этот раз применение предлагаемых классификаций увязано не с «оценкой научного уровня» как таковой, а с совершенствованием «библиографического поиска» за счет привнесения в него наукометрического инструментария [14, с. 12–13]. Впрочем, такой поиск касается публикаций «с заданной нижней границей ценности» [14, с. 13], так что классификации, предлагаемые в препринте, – по факту все равно средство, направленное на оценку «уровня» публикаций. При этом с учетом различного характера ссылок, каждому их классу присваивается свой «вес» (у авторов – «баллы») [14, с. 14]. Классификация резко усложнилась: всего предложено теперь 15 классов цитирования, составляющие 4 типа, которые, в свою очередь формируют две группы. Названия групп представляются нам неудачными, и приводить их мы не будем, но смысл разделения ссылок на группы в том, что одна из них включает типы, выделенные «по принципу независимости от автора» (т.е. с выделением самоцитирования в отдельный класс), а другая выделена по т.н. «принципу определенности», т.е. в один класс выделены нормальные информативные ссылки, содержание необходимые элементы библиографического описания, а в другой – неполные, неточные ссылки, ссылки с пробелами в библиографическом описании; иными словами, – ссылки, требующие реконструкции и непригодные без нее к прямому использованию. В препринте это названо соответственно «прямым» и «косвенным» цитированием. Также в группе ссылок, выделенных «по принципу

независимости от автора», помимо «полного цитирования» (3 балла за одну ссылку) и «самоцитирования» (1 балл)⁹, выделен класс «полуцитирование» или «соавторское самоцитирование» (2 балла за ссылку). Но если весовые («балльные») ограничения на «классы цитирования», выделенные «по принципу независимости от автора», могут лишить пользователя релевантных научных документов, на которых указывает самоцитирование, то присвоение одного «балла» т.н. «косвенным» ссылкам на фоне двух «баллов», приписанных нормально оформленным ссылкам кажется, напротив, чрезмерным. Ведь т.н. «косвенные ссылки», в том виде, в котором они приведены в цитирующих источниках, как правило, вообще не смогут служить в качестве инструмента для информационного поиска пользователя! Такие ссылки должны либо не поступать к нему (т.е. им следует приписывать 0 баллов), либо поступать в «реставрированном виде» [22], – но во втором случае чем обоснован их более низкий статус?

Еще больше внутреннего сопротивления вызывают «классы цитирования», которые предполагаемо конкретизируют «положительные (позитивные)» и «отрицательные (негативные)» ссылки. Здесь вновь просматривается непонимание авторами того, что цитирование в принципе всегда отражает использование цитирующим автором цитированного документа. (Если речь не идет о фальшивых, мошеннических ссылках.) А между тем, согласно препринту [14, с. 15], отрицательные ссылки – это те, которые свидетельствуют, что «данные референтной публикации *не используются*» в цитирующей работе (выделено нами – *В.Л.*) – хотя в предыдущей работе [5] вопрос об использовании отрицательно цитированных ссылок был обойден молчанием. Кстати, в рассматриваемом тексте сказано буквально не «в цитирующей работе», а «в дальнейших исследованиях». Видимо, здесь небрежная формулировка: ведь с уверенностью можно говорить лишь о цитирующей работе. Но можно понять

⁹ Классификация, напомним, предназначена для информационного поиска, и учет самоцитирований при его выполнении позволил бы детальнее разобраться с историей разработки вопроса самоцитирующим автором, что для поиска отнюдь не лишнее! Однако, приписанный в [14] ссылкам этого класса низкий вес может в итоге отрезать пользователя информационного поиска от потенциально важных для него документов, чего при учете ссылок по принципу «все ссылки равны» [21, р. 89] никогда бы не произошло.

и так, что отрицательная ссылка закрывает путь цитируемому в дальнейшие работы вообще. Если вторая догадка верна, авторы претендуют на то, что всегда прав критик. Но это не так [4, р. 362].

Как бы то ни было, вопреки [14, с. 15], ссылки, как уже говорилось, даются не только на данные, но и на идеи, мысли, догадки. (И эти мысли и догадки при этом *используются*.) Тогда согласно буквы цитируемой формулировки получается, что ссылка, отвергающая или опровергающая какую-либо идею, отрицательной ссылкой не является. Но это явно не так; а, кроме того, при опровержении как идеи, так и данных на самом деле также имеет место использование. Ведь – и об этом по существу здесь также говорилось – если разбор какой-то работы либо какой-то ее части помогает автору находить новые аргументы для своей точки зрения, новые пути для изложения своего взгляда на проблему, то эта работа служит стимулятором для совершенствования работы цитирующей [3, с. 12]. (А если этого нет, для чего осуществлять этот разбор и цитировать эту работу?!) При этом она подвергается самому пристальному анализу, из нее извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых цитирующим автором положений, предлагаемые затем в новом контексте и в авторской читателю. Это – использование.

Перейдем к классам, выделенным в рамках этих типов. Среди положительных цитирований (применительно к которым почему-то также сказано об использовании «в дальнейших исследованиях», а не в цитирующей работе; причем имеется в виду использование именно «данных» [14, с. 13], а не документа в целом, включающего, помимо «данных», скажем, идеи) – такие классы, как «справочное» (1 балл), «вспомогательное» (2), «рядовое» (3), «авторитетное» (3) и «классическое» (5 баллов). Если в предыдущей работе с соавторством Е.Д. Гражданникова [5, с. 279] «[п]од авторитетным цитированием понимаются такие цитирования, когда сведения, извлекаемые из цитируемой публикации, считаются совершенно правильными и используются в качестве основополагающих положений», то во вновь разбираемой формулировке это – «цитирование идей, положенных в основу данной работы (преемственное цитирование); цитирование работ, результаты которых

используются и развиваются в данной работе (конструктивное цитирование); цитирование идей, которые подтверждаются результатами данной работы (подтверждающее цитирование)» [14, с. 15]. Уверенно распределить хотя бы десяток ссылок в соответствии с каждым из данных признаков – весьма непростая задача не только для посредника, но и для самого цитирующего автора. Легко ли, к примеру, различать между «преемственным» и «конструктивным» цитированием?! (Заметим, что в явной форме факт использования цитированной работы признается в [14] только применительно к «конструктивному цитированию».) При этом с позиций организации информационного поиска непонятно, а для чего вообще эти признаки выделены столь подробно и изолированно – словно подклассы. Ведь получается, что для того, чтобы мысленно соотнести представление о содержании связей, отраженных каждой ссылкой, с определением «авторитетного цитирования», приходится соотносить его с несколькими его определениями, – в несколько раз повысив при этом трудоемкость и без того более чем трудоемкого анализа. (И это – не единственный класс, вызывающий аналогичные трудности.) Заметим еще, что если «конструктивное цитирование» рассматривалось в [5, с. 279] как самостоятельный класс, то здесь такие ссылки рассматриваются как часть «авторитетного цитирования». Большой вес, чем «авторитетному», приписывают Е.В. Гражданников и Т.В. Сорокина классу «классическому цитированию» [14, с. 14–15], которое определено в цитируемой работе, как «цитирование работ ученых-классиков науки; цитирование для демонстрации больших научных достижений» [14, с. 15] (чьих? – *В.Л.*). Определение кажется рыхлым, а высокая балльная оценка, приписываемая действительно классическим работам, – всегда ли она целесообразна – с учетом того, что применяется в конечном итоге для информационного поиска научных документов, а не «просто» для их наукометрической оценки? Классика ведь потому и классика, что она (должна быть) известна каждому, а нам предлагают трудоемкий анализ выявления и предложения пользователю информационных услуг работ, которые и так должны быть ему известны. И еще вопрос, чьи же научные достижения призваны отразить такие ссылки? Обычно оцениваются цитируемые работы, но что

прибавят новые ссылки на Эйнштейна, к примеру, в представлении о ценности его работ? Но Петру Ивановичу Сидорову, скажем, может быть и «выгодным» побыть в тени Эйнштейна, «уснастив» свою работу ссылками на него.

«Вспомогательное цитирование», – пишут авторы [14, с. 14] «это цитирование для целей, которые не являются основной для источниковой публикации». И как же информационному посреднику оценить, преследовалась ли именно основная исследовательская цель цитирующей работы при цитировании какой-то конкретной публикации?.. В ряде случаев, вероятно, это сделать действительно легко, и какие-то ссылки на ритуальные «подходы издалека» во введении цитирующей статьи окажутся явно «вспомогательными». В то же время мы никогда бы не взялись выделять «вспомогательные» ссылки в любом ином разделе даже своей собственной статьи: при обсуждении научной идеи важно все!¹⁰

Классификация включает в себя также «рядовое цитирование», куда входят «цитирование для указания на приоритет (приоритетное цитирование), <для> информирования о состоянии исследований (обзорное цитирование) или <для> отсылки к работам, содержащим сведения, которые в данном случае не приводятся в целях экономии места (замещающее цитирование)»; таким ссылкам присваивается 3 балла [14, с. 14–15]. Вскользь заметим, что сутью «замещающего цитирования» с его отказом от пересказа цитируемой работы и заменой его ссылкой представляется то, что цитируемая работа, представленная ссылкой, оказывается неотъемлемой частью содержания работы цитирующей. То есть имеет место полная ассимиляция – что это, если не использование?! Вообще, рассматривая приведенные формулировки, хочется во всех трех случаях говорить об «обзорном цитировании»: «замещающее» отличается от обзорного лишь степенью упоминания о цитированной работе / ее пересказа, а «приоритетное» – спецификой цитированного материала. Детализация «признаков класса» (формулировка [14, с. 13]) – практически до подклассов – не упрощает, а усложняет процедуру соотнесения с

¹⁰Речь, разумеется, опять не идет о фальсифицированных, о договорных и т.п. ссылках. Эти последние – проблема не наукометрическая, а административная [23, с. 584], и потому ее следовало бы вообще оставить за пределами обсуждения. Но ее сейчас модно раздувать настолько, что такие оговорки кажутся неизбежными.

ними ссылок. Кстати, имеет ли класс «справочного цитирования» – цитирования, свидетельствующего «об использовании данных, которые считаются известными, не новыми для науки» [14, с. 13–14], – какие-либо явные отличия от «обзорного цитирования», информирующего «о состоянии исследований» [14, с. 14]?¹¹ Но ссылке в случае «справочного цитирования» присваивается 1 балл [14, с. 14], а не 3. А сколько нужно усилий информационному посреднику-эксперту для того, чтобы отделить «справочные» ссылки от «обзорных»? И какой квалификацией он должен при этом обладать? (Не говоря уже о явной, хотя и не обозначенной в [14] необходимости изучать и содержание цитируемых работ.) И если бы такой гипотетический информационный посредник – обладающий безмерным временем и неправдоподобной квалификацией по изрядному количеству научных направлений – вообще был возможен, то был ли бы ему нужен сам наукометрический инструментарий для предоставления информационного сервиса ученым (которые и сами не знают, из каких они соображений цитируют [20, р. 615])?!

Обратимся к «отрицательному цитированию». Согласно [14, с. 15], оно свидетельствует «о том, что данные референтной публикации не используются в дальнейших исследованиях». В предыдущей публикации с соавторством Е.Д. Гражданникова [5] такое цитирование с использованием не соотносилось, но та более сдержанная трактовка была уже прокомментирована, а сейчас лишь кратко повторим, что при опровержении, когда «отрицательно» цитируемая работа подвергается пристальному анализу и из нее извлекаются и рассматриваются формулировки отвергаемых положений, использование имеет место [3, с. 12].

Согласно [14, с. 14–15], отрицательное цитирование включает в себя пять классов. Начнем с трех вот таких: «дискуссионное цитирование», «критическое цитирование» и «отвергающее цитирование». Согласно [14, с. 15], в первом случае имеет место «цитирование работ с целью противопоставления аргументов или фактов», во втором –

¹¹ Заметим, что «справочное цитирование» соотносится в [14, с. 13–14] с «использованием данных» (похоже, что авторы этой усложненной классификации только с данными использование и соотносит), но с «обзорным» и вообще с «рядовым» цитированием использование они не соотносят [14, с. 14–15].

цитирование «с целью указать недостатки и предложить другую точку зрения по данному вопросу», в третьем – для указания на ошибку, принципиально важную «в фактических данных или теоретических рассуждениях». Иными словами, в первом случае излагаются некие новые аргументы и факты, для понимания читателем которых необходимо их сравнение с (условно) неверной (кто сказал, что прав именно критик? [4, р. 362]) их трактовкой в цитируемых работах. Ясно, во-первых, что такие «дискуссионные» ссылки необходимы для читательского понимания того, что предлагает автор, а, во-вторых, что цитируемые работы, подвергались при этом анализу и (в-третьих) служили «строительным материалом» при представлении «аргументов и фактов». С какой точки ни смотри, они были использованы при написании цитирующей статьи. А если так, то – согласно терминологии самих же авторов [14], речь идет о разновидности «конструктивного цитирования», при котором, согласно [14, с. 15], «результаты используются и развиваются» и которое, в свою очередь, является разновидностью «авторитетного цитирования». Но последнему приписано плюс три балла, а дискуссионному цитированию – минус 2. Цель «критического цитирования» – «указать недостатки и предложить другую точку зрения» [*Там же*]. Собственно, первое без второго и невозможно: критика недостатков как тема публикации лишь тогда и возможна, когда хотя бы умозрительно просматривается лучший вариант. Но тогда описание «другой точки зрения» неотделимо от обсуждения недостатков; тогда получается, что работы, содержащие описания недостатков, были *использованы* для формулировки иной точки зрения. Однако, несмотря на использование, «вес» такой ссылки – минус 3 балла [14, с. 14]. (Напомним, что, согласно [14, с. 15] «отрицательное цитирование» свидетельствует о том, что цитируемая работа *не* использовалась при написании цитируемой, но пока – рассмотрев два вида «отрицательного цитирования» – мы видим картину, этому утверждению не соответствующую.)

Вслед за «цитированием-критикой» названо «цитирование-отвергание», «указывающее на ошибку, принципиально важную в фактических данных или теоретических рассуждениях» [*Там же*]; «вес» такой ссылки – минус 4 балла [14, с. 14]. Между тем, если идет речь об ошибке, принципиально важной «в

фактических данных или теоретических рассуждениях», значит эти данные или рассуждения не могут быть с должной мерой убедительности представлены без ее анализа. А последний – суть вновь несомненное использование цитирующей работы. Правда, рекомендовать ее для передачи пользователям информационного обслуживания не следует, но для цитировавшего автора она действительно была ценной, т.к. ее использование содействовало усилению авторской аргументации.

К отрицательным ссылкам авторы [14, с. 15] относят также «цитирование-поправку», целью которой является «указать на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» (ссылке приписан вес в минус один балл [14, с. 14]); на наш взгляд, это явный случай так называемого «обзорного цитирования», целью которого согласно той же страницы, является «информирование о состоянии исследований» [*Там же*] и которое само, согласно [14, с. 14–15], является частным случаем «рядового цитирования» (вес – плюс 3 балла [14, с. 14]). А может быть, следует отнести его к «вспомогательному цитированию» (цитированию в целях, не основных для цитирующей публикации; вес – плюс два балла) [14, с. 14]?! Ведь, в конце концов, относятся ли к целям, являющимся основными для цитирующей публикации указание «на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» [14, с. 15]?!

Еще к «отрицательным ссылкам» Е.Д. Гражданников и Т.В. Сорокина относят «цитирование-обвинение», т.е. «цитирование работ для демонстрации их псевдонаучного (лженаучного) характера» [*Там же*]. (Его «вес» – минус 5 баллов.) Но трудно представить себе обычную научную статью, не являющуюся широкомасштабным обзором выдающихся достижений, в которой были бы уместны эти обвинения. Они более уместны (и могут быть необходимыми) в научно-популярных текстах, в учебниках, в статьях по истории науки. Но в таких текстах такие ссылки вновь окажутся «обзорным цитированием» (разновидностью «рядового цитирования») поскольку они дополняют картину о состоянии дел и помогут лучше понять ее читателем. Что же до научных работ, то такие ссылки действительно весьма редки и могут возникнуть, как цитирует Ю. Гарфилд, лишь в том случае,

«[е]сли неверные результаты стоят на пути дальнейшего развития предметной области или если они противоречат работе, в которой кто-то другой заинтересован лично» [24, р. 45] (цит. по: [4, р. 361]). Но и в контексте «дальнейшего развития предметной области», и в целях прояснения собственной научной позиции приведение подобных ссылок сопровождается смысловым анализом; т.е. речь опять идет об использовании цитированного материала.

Пытаясь разбирать класс «отрицательного цитирования» по [14], постоянно приходишь не только к вполне очевидной мысли о том, что во всех их проявлениях, вопреки заявлениям авторов, имеет место использование цитированного материала, но и к представлению о, так сказать, позитивной их роли в создании цитирующих работ. Собственно, эти мысли можно увидеть в известной публикации Юджина Гарфилда [4, р. 361–362], упомянутые страницы которой воспринимаются как контраргументы к мыслям об «искажающей роли» отрицательного цитирования. Здесь хочется изложить их в пересказе Ю.П. Холюшкина с соавт. [25]: пикантность ситуации здесь в том, что, хотя Ю.П. Холюшкин в 2010-е годы проявил себя как соавтор [26; 27] и единомышленник [25; 28] Е.Д. Гражданникова (атаковавшего «отрицательные ссылки»), по приводимой ниже цитате в этом его можно было бы и не заподозрить. Итак, цитата: «возникает одно недоразумение – боязнь завышения показателей цитируемости за счет критических или негативных ссылок. Это происходит редко. Ученые не склонны отвлекаться на опровержение нестоящих работ. И публикация, получившая много критических ссылок, с полным основанием может рассматриваться как достаточно значимая, чтобы затратить время на полемику с ней. Более того, немало теорий в момент своего появления вызывают критику, причем не приходится полагать, что критики всегда правы» [25, с. 55]. Пример: «первоначальное негативное отношение» к работам Н.И. Лобачевского» [*Там же*].

Чем глубже вникаешь в классификацию [14], тем меньше понимаешь, как классифицировал бы с ее помощью даже ссылки в собственных статьях. А уж о том, чтобы делать это быстро, «ставить на поток» и речи быть не может. Потенциальную пользу для применения такой классификации

в целях совершенствования информационного обслуживания автору этих строк увидеть также не удастся. Сообщения о ее практическом применении ему не известны.

Итак, в [14] предложена классификация, многократно усложненная по сравнению с предыдущей [5]. Она производит впечатление искусственно усложненной и вряд ли вообще пригодна к практическому использованию. В ней вновь нет признания отражения использования документа в его цитируемости как универсального принципа. Более того, определения ряда классов даются по принципу «в случае, когда цитируемая работа не используется». При этом авторы идут на вольное или невольное ухищрения, подменяя утверждения о неиспользовании цитируемых документов на утверждения об неиспользовании приведенных в них данных (при этом «использоваться», согласно [14], могут «результаты», цитироваться могут и «идеи», и сами «работы», а вот «не использоваться» – только «данные» [14, с. 15]). Но даже если признать неиспользование данных, это не значит, что не используется документ. Ведь согласно «Терминологическому словарю по информатике» [7, с. 109] «данные» – это «[и]нформация, представляющая собой сведения, обычно выражаемые в численном виде (цифровая информация) и используемые для последующей обработки с использованием математических методов (статистической обработки и т.п.). Иногда понятию «данные» придается смысл исходной информации не только в численном, но в любом заданном виде». Ясно, что в любом случае это – не вся информация, содержащаяся в документе. И это определение уже существовало к моменту выхода препринта [14]! Таким образом, можно допускать, что «сферу неиспользования цитируемого документа» авторы [14] умышленно зауживали до извлекаемой из него информации, подлежащей дальнейшей обработке¹². Итак, при «авторитетном цитировании» (разновидность «положительного») у авторов [14, с. 15] цитируются идеи, а «используются» результаты в целом, при

¹²При привлечении более современных определений границы этой зауженности еще яснее: «Данные – информация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки» [16] или, согласно [15, п. 3.1.1.15], данные – это «подающееся переосмыслению представление информации <...> в формализованной форме, пригодной для передачи <...>, интерпретации или обработки».

«классическом цитировании» цитируются «работы» в целом, а при «отрицательном цитировании» – данные «не используются в дальнейших исследованиях» (следовало написать: «в цитирующей работе»). Но в цитирующей работе из статьи цитируемой может использоваться много другого. В общем, классификация [14] – путанная.

Е.Д. Гражданников и его единомышленники не раз возвращались к ней. Так, в работе 1987 года [29] она будет еще более усложнена: теперь, помимо тяжелого смыслового анализа «на глазок», классификатору еще придется считать строки и/или знаки, которыми определяется объем текста, посвященного цитируемым работам [29, с. 42]. А ведь внутри абзаца, посвященного одной основной обсуждаемой работе, могут быть ссылки еще на несколько. Каков же будет объем и соответственно «балл» каждой? (Реальна ли такая работа, оправданна ли?)

Вот цитата из [29]: «Положительное и отрицательное цитирование взаимно исключают друг друга, а остальные типы являются независимыми, т.е. могут применяться одновременно. Отсюда следует, что можно получить *300 различных видов цитирования*, например, прямое полное конструктивное миничитирование, косвенное полное критическое максичитирование и т.д.» [29, с. 41] (выделено нами – *В.Л.*). Сколько же вариантов придется перебирать аналитику при классифицировании *одного-единственного* цитирования!

В поле нашего зрения находятся еще ряд русскоязычных работ, посвященных классифицированию цитирований в наукометрических целях ([25–28]), но рассматривать их здесь должным образом не позволяет формат публикации. Однако, основная тенденция все та же: искусственное усложнение классификаций, делающее их практическое применение невозможным.

За исключением самой первой из рассмотренных нами русскоязычных наукометрических классификаций цитирований [1], в которой содержится фактическое признание того, что цитируемость всегда отражает использование, в последующих классификациях данный принцип либо прямо отрицался, либо его от его принятия авторы уходили с помощью подмены понятий (как имело место в парах рассматриваемых понятий «использование документа» / «использование данных» (или

«использование сведений»). Признание использования цитируемого документа как универсальной причины не уточнялось раскрытием частных причин цитирования или поводов к нему, но подменялось ворохом частных причин цитирования (поводов к нему), среди которых «использование» могло быть признано одной из возможных причин и относилось лишь к некоторым классам. При этом принцип «цитируемость отражает использование» не опровергается данными работами и не может на их основании быть поставленным под сомнение.

Во всех рассмотренных нами работах отсутствуют ссылки на работы зарубежных коллег, занимающихся проблематикой таких классификаций и сходными вопросами¹³. Можно отметить и небрежность в оформлении ряда рассмотренных работ. Приведем лишь два примера. Первый – дословное воспроизведение абзаца из известной статьи С.Г. Кара-Мурзы¹⁴ в [27, с. 102] без ссылки на него. Второй: написание фамилии Ю. Гарфилда как «Гартфилд» [25, с. 55]... Высока ли была ответственность авторов при написании работ [25; 27]?

Положительным же опытом, извлеченных из рассмотрения русскоязычных работ, который, возможно, достоин развития, представляются следующие моменты:

1) Понимание того, что создаваемые и используемые в наукометрических целях классификации цитирований (позволяющие, пользуясь формулировкой Е.Д. Гражданникова [29, с. 38], перейти от «поточкового» к «дифференцированному» подходу при анализе) должны быть простыми, интуитивно понятными и очевидно воспроизводимыми. В полной мере таковой является лишь самая первая из рассмотренных классификаций – 66-летней давности классификация А.И. Умова [1]. Если и экспериментировать с использованием подобной классификации, то следует брать в первую очередь ее.

2) Также при попытках использования подобной классификации, следует учитывать возможность неодинаковых весовых коэффициентов ссылок одного и того же класса, в зависимости от того, будет ли классификация применена в

¹³Отсутствие ссылок на англоязычные работы предшественников, характерное для всех рассматриваемых здесь работ, не может быть поставлено в упрек первому их автору [1]: в то время, по строгому счету, имела лишь одна такая работа [30].

¹⁴Кара-Мурза С.Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник АН СССР. – 1981. – № 5. – С. 68–75.

научно-исследовательских целях или для информационного поиска.

3) Намеченная в последних из рассмотренных нами работ 2010-х годов (невольная?) попытка стирания граней между «положительными» и «отрицательными» цитированиями (в наиболее явной форме – в [26], аналитический разбор которой остался за рамками данного текста) представляется плодотворной и заслуживает дальнейшего осмысления и развития. Возможно, дальнейшие исследования, демонстрирующие стирание этих граней, окажутся более плодотворными, нежели попытки опровержений сложившегося восприятия «отрицательных ссылок».

В данное время автор работает над подобным обзором англоязычных работ.

Список использованных источников:

1. Уемов, А. И. Учет многообразия ссылок в научно-исследовательском анализе / А. И. Уемов // Проблемы управления и применение вычислительной техники для автоматизации и механизации управленческого труда : тез. докл. Респ. науч.-техн. конф. / Гос. план. ком. Совета Министров УССР [и др.]. – Киев, 1968. – Секция 5 : Организация и управление научными исследованиями, ч. 1. – С. 34–38.
2. Лазарев, В. С. Как желание совершенствования наукометрической оценки привело к предложению об инквизиторской «остановке» негативно процитированных публикаций / В. С. Лазарев // Информационные процессы, системы и технологии. – 2024. – Т. 5, № 3 (31). – С. 21–25. https://doi.org/10.52529/27821617_2024_5_3_21
3. Лазарев, В. С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность / В. С. Лазарев // Международный форум по информатике. – 2017. – Т. 42, № 1. – С. 3–16.
4. Garfield, E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? / E. Garfield // *Scientometrics*. – 1979. – Vol. 1, № 4. – P. 359–375. <https://doi.org/10.1007/bf02019306>
5. Суслов, И. П. Основы социальной статистики : (курс лекций для студентов НГУ) / И. П. Суслов, Е. Д. Гражданников. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1973. – 317 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://febweb.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Терминологический словарь по информатике = Терминологический речник по информатике = Терминологический словарь по информатике / Междунар. центр науч. и техн. информ. – М. : МЦНТИ, 1975. – 752 с.
8. Столяров, Ю. Н. Документ: и информация, и носитель / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. – 2003. – № 2. – С. 128–129.
9. Сведения // Толковый словарь русского языка. – URL: <https://www.vedu.ru/expdic/104700/> (дата обращения: 30.07.2024).
10. Большой толковый словарь русских существительных // Грамота. –

URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh> (дата обращения: 30.08.2024).

11. Столяров, Ю. Н. Сущность информации / Ю. Н. Столяров. – М. : ГПНТБ России, 2000. – 120 с.

12. Столяров, Ю. Н. Теория относительности документа / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. – 2006. – № 7. – С. 73–78.

13. Столяров, Ю. Н. Документология : учеб. пособие / Ю. Н. Столяров. – Орел : [б. и.], 2013. – 370 с.

14. Гражданников, Е. Д. Наукометрические методы библиографического поиска / Е. Д. Гражданников, Т. В. Сорокина. – Новосибирск, 1976. – 19 с. – (Препринт / Ин-т теплофизики СО АН СССР ; 06-76).

15. ISO 5127:2017. Information and documentation – Foundation and vocabulary // ISO: Online Browsing Platform (OBP). – URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (date of access: 16.08.2023).

16. ГОСТ 7.0-99. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. – Взамен ГОСТ 7.0-84, ГОСТ 7.26-80 ; введ. 01.07.2000. – Минск : Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1999. – 23 с. – URL: <https://www.ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).

17. Use // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (date of access: 15.08.2024).

18. Ваттер, Э. К.-Ф. О структуре научных ссылок / Э. К.-Ф. Ваттер // Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы. – 1975. – № 5. – С. 17–20.

19. Махотенко, Ю. А. Библиографический аппарат научно-технического отчета как объект науковедческого анализа / Ю. А. Махотенко // Науковедение и информатика : респ. межведомств. сб. науч. тр. / Акад. наук Укр. ССР, Центр науч.-техн. потенциала и истории. – Киев, 1972. – Вып. 6. – С. 88–92.

20. Nicolaisen, J. Citation analysis / J. Nicolaisen // Annual Review of Information Science and Technology. – 2007. – Vol. 41, № 1. – P. 609–641. <https://doi.org/10.1002/aris.2007.1440410120>

21. Smith, L. C. Citation analysis / L. C. Smith // Library Trends. – 1981. – Vol. 30, № 1. – P. 83–106.

22. Лазарев, В. С. О проблемах идентификации информационных источников, выявляемых в ходе исследований цитат-показателей с применением Journal Citation Reports® / В. С. Лазарев, И. В. Юрик // Системный анализ и прикладная информатика. – 2018. – № 1. – С. 4–15. <https://doi.org/10.21122/2309-4923-2018-1-4-15>

23. Марвин, С. В. О статистической взаимосвязи между экспертными оценками научных журналов и их импакт-факторами / С. В. Марвин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 4. – С. 583–592. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-4-583-592>

24. Meadows, A. J. Communication in science / A. J. Meadows. – London : Butterworth, 1974. – 248 p.

25. Холушкин, Ю. П. Задачи археологии и методы их решения / Ю. П. Холушкин, Е. Е. Витяев, В. С. Костин // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – 2013. – Вып. 18. – С. 3–97.
26. Холушкин, Ю. П. К проблеме критериальной оценки научных результатов / Ю. П. Холушкин, Е. Д. Гражданников // Научный альманах. – 2016. – № 8-1 (22). – С. 403–412. <https://doi.org/10.17117/na.2016.08.01.403>
27. Очерки по науковедению / Ю. П. Холушкин, Е. Д. Гражданников, В. С. Костин [и др.] // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – 2017. – Вып. 22. – С. 3–157.
28. Холушкин, Ю. П. Дифференцированная классификация цитирования: некоторые подходы / Ю. П. Холушкин // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 9. – С. 104–113. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2017-9-104-113>
29. Гражданников, Е. Д. Проблемы критериальной оценки научных результатов / Е. Д. Гражданников // Проблемы развития научно-образовательного потенциала : [сб. ст. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии] ; отв. ред. Е. В. Семенов, А. Ф. Фелингер. – Новосибирск, 1987. – С. 24–46.
30. Lipetz, B.-A. Improvement of the selectivity of citation indexes to science literature through inclusion of citation relationship indicators / B.-A. Lipetz // *American Documentation*. – 1965. – Vol. 16, № 2. – P. 81–90. <https://doi.org/10.1002/asi.5090160207>

References:

1. Uemov A. I. Accounting for the diversity of references in scientific analysis. *Problemy nauki upravleniya i primeneniye vychislitel'noi tekhniki dlya avtomatizatsii i mekhanizatsii upravlencheskogo truda: tezisy dokladov Respublikanskoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii. Sektsiya 5: Organizatsiya i upravlenie nauchnymi issledovaniyami* [Problems of management science and application of computer technology for automation and mechanization of managerial work: abstracts of papers of the Republican scientific and technical conference. Section 5. Organization and management of scientific research]. Kiev, 1968, pt. 1, pp. 34–38 (in Russian).
2. Lazarev V. S. How the desire to improve scientometric assessment led to the proposal for an inquisitorial “termination” of negatively cited publications. *Informatsionnye protsessy, sistemy i tekhnologii* [Information Processes, Systems and Technologies], 2024, vol. 5, no. 3 (31), pp. 21–25 (in Russian). https://doi.org/10.52529/27821617_2024_5_3_21
3. Lazarev V. S. Scientific documents and their ordered sets: citation, use, value. *Mezhdunarodnyi forum po informatsii* [International forum on information], 2017, vol. 42, no. 1, pp. 3–16 (in Russian).
4. Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? *Scientometrics*, 1979. vol. 1, no. 4, pp. 359–375. <https://doi.org/10.1007/bf02019306>
5. Suslov I. P., Grazhdannikov E. D. *Fundamentals of social statistics*. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 1973. 317 p. (in Russian).
6. The Institute for Linguistic Studies at the RAS. *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk: Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed

15.08.2024) (in Russian).

7. *Terminological dictionary of informatics*. Moscow, International Centre for Scientific and Technical Information, 1975. 752 p.

8. Stolyarov Yu. N. Document: both information and medium. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries*, 2003, no. 2, pp. 128–129 (in Russian).

9. Information. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Available at: <https://www.vedu.ru/expdic/104700/> (accessed 30.07.2024) (in Russian).

10. The large explanatory dictionary of Russian nouns. *Gramota*. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovoj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh> (accessed 30.08.2024) (in Russian).

11. Stolyarov Yu. N. *The essence of information*. Moscow, State Public Scientific and Technical Library of Russia, 2000. 120 p. (in Russian).

12. Stolyarov Yu. N. Theory of document relativity. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries*, 2006, no. 7, pp. 73–78 (in Russian).

13. Stolyarov Yu. N. *Documentology: a textbook*. Orel, 2013. 370 p. (in Russian).

14. Grahdannikov E. D., Sorokina T. V. *Scientometric methods of bibliographic search: preprint, no. 06-76*. Novosibirsk, 1976. 19 p. (in Russian).

15. ISO 5127:2017. Information and documentation – Foundation and vocabulary. *ISO: Online Browsing Platform (OBP)*. Available at: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:5127:ed-2:v1:en> (accessed 16.08.2023).

16. State Standard 7.0-99. *Information and librarian activity, bibliography. Terms and definitions*. Minsk, Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification, 1999. 23 p. Available at: <https://www.ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (accessed 29.07.2024) (in Russian).

17. Use. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (accessed 15.08.2024).

18. Vatter E. K.-F. On the structure of scientific references. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems], 1975, no. 5, pp. 17–20 (in Russian).

19. Makhotenko Yu. A. Bibliographic apparatus of scientific and technical report as an object of scientific analysis. *Naukovedenie i informatika: respublikanskii mezhhvedomstvennyi sbornik nauchnykh trudov* [Science studies and informatics: republican interdepartmental collection of scientific papers]. Kyiv, 1972, iss. 6, pp. 88–92 (in Russian).

20. Nicolaisen J. Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*, 2007, vol. 41, no. 1, pp. 609–641. <https://doi.org/10.1002/aris.2007.1440410120>

21. Smith L. C. Citation analysis. *Library Trends*, 1981, vol. 30, no. 1, pp. 83–106.

22. Lazarev V. S., Yurik I. V. On the problems of identification of information sources being discovered in the course of citation studies with the use of Journal Citation Reports®. *Sistemnyi analiz i prikladnaya informatika = System Analysis and Applied Information Science*, 2018, no. 1, pp. 4–15 (in Russian). <https://doi.org/10.21122/2309-4923-2018-1-4-15>

23. Marvin S. V. About the statistical relationship between expert judgment for scientific journals and their impact factors.

24. Meadows A. J. *Communication in science*. London, Butterworth, 1974. 248 p.
25. Kholushkin Yu. P., Vityaev E. E., Kostin V. S. Tasks of archeology and methods of their solution. *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Information Technologies in Humanitarian Research], 2013, iss. 18, pp. 3–97 (in Russian).
26. Kholushkin Yu. P., Grazhdannikov E. D. On the problem of criteria evaluation of scientific results. *Nauchnyi al'manakh = Scientific almanac*, 2016, no. 8-1 (22), pp. 403–412 (in Russian). <https://doi.org/10.17117/na.2016.08.01.403>
27. Kholushkin Yu. P., Grazhdannikov E. D., Kostin V. S., Kulemzin V. M., Vityaev E. E., Martynovich V. V., Kann S. K., Komarov S. Yu. Essays on science studies. *Informatsionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Information Technologies in Humanitarian Research], 2017, iss. 22, pp. 3–157 (in Russian).
28. Kholushkin Yu. P. Some approaches to classification of citation (on the archaeological materials). *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries*, 2017, no. 9, pp. 104–113 (in Russian). <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2017-9-104-113>
29. Grazhdannikov E. D. Problems of criterial assessment of scientific results. *Problemy razvitiya nauchno-obrazovatel'nogo potentsiala: sbornik statei* [Problems of development of scientific and educational potential: collection of articles]. Novosibirsk, 1987, pp. 24–46 (in Russian).
30. Lipetz B.-A. Improvement of the selectivity of citation indexes to science literature through inclusion of citation relationship indicators. *American Documentation*, 1965, vol. 16, no. 2, pp. 81–90. <https://doi.org/10.1002/asi.5090160207>

Поступила в редакцию 20.09.2024
Received 20.09.2024